

УДК 821.161.1-1.Ширяев«20»

Фокина С. А.

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ МОДУС НОСТАЛЬГИИ КАК СТРАСТИ В СТИХОТВОРЕНИИ А. ШИРЯЕВА «РОСЧЕРК ВЕТРА. ВЗБЕГАЮ ПО КЛАВИШАМ – ЧЁРНЫМ, БЕЛЫМ...»

В статье предпринята попытка осмысления феномена ностальгии как одной из доминант, определяющих своеобразие поэтического мира Андрея Ширяева на примере стихотворения «Росчерк ветра. Взбегаю по клавишам – чёрным, белым...». Выявлены меланхолические и пассионарные коннотации ностальгии в авторском мифе современного поэта.

Ключевые слова: ностальгия, меланхолия, джаз, страсть, дискурс.

Фокина С. О. Меланхолійний модус ностальгії як пристрасті у вірші А. Ширяєва «Розчерк вітру. Взбігаю по клавішах – чорних, білих...». У статті зроблено спробу осмислення феномену ностальгії як однієї з домінант, що визначають своєрідність поетичного світу Андрія Ширяєва на прикладі вірша «Розчерк вітру. Взбігаю по клавішах – чорних, білих...». Виявлені меланхолійні та пасіонарні коннотації ностальгії в авторському міфі сучасного поета.

Ключові слова: ностальгія, меланхолія, джаз, пристрасті, дискурс.

Fokina S. A. Melancholic mode of nostalgia as passions in A. Shiryayev's poem «The wind stroke. I run up on keys – black, white ...». Statement of the problem is caused by relevance for a literary thought of studying of modern poetry whose bright representative was A. Shiryayev. Article purpose was to study interpretation by author's consciousness of A. Shiryayev of a phenomenon of nostalgia on poem material «A wind stroke. I run up on keys – black, white ...». The designated purpose has defined the following tasks: 1) to consider nostalgia as some kind of passion; 2) to analyse melancholic connotations in the text; 3) to reveal dialogue of the modern poet with various cultural layers. Nostalgia in the Shiryayev's text receives obviously melancholic connotations. Nostalgia gives feeling of completeness of life and fills illusoriness of existence of the lyrical hero with passion. The factor of sensitivity is urgent both for experience of passion, and for immersion in nostalgia. On the basis of the received scientific results it is possible to draw the following conclusions: The aspect of the melancholiness is connected with nostalgic feeling of the lyrical hero in the Shiryayev's lyrical message. Nostalgia generates experience of passion in the act of familiarizing with jazz. The lyrical hero plunges into melancholic contemplation of the world. At the same time the passion received by means of nostalgia unexpectedly brings him blessing and light which has lit up his world.

Keywords: nostalgia, melancholy, jazz, passion, discourse.

Постановка проблеми, обозначенной в заглавии статьи, обусловлена актуальностью для литературоведческой мысли изучения современной поэзии, чьим ярким представителем был А. Ширяев.

В 2016 году, уже после смерти поэта, была издана книга стихов А. Ширяева «Случайный ангел», в предисловии к данному изданию Ю. Степанов отмечает: «Андрей Ширяев – выдающийся поэт, один из ярчайших представителей нашего литературного поколения» [12, 5]. Как видно из оценки Ю. Степанова, которую поддерживают весьма благожелательные отзывы о ширяевском творческом наследии (П. Басинский, А. Карпенко, Л. Каганов, М. Марговская, В. Седов), лирика А. Ширяева начинает получать признание. Но, в то же время исследование феномена данного поэта в рамках научного дискурса требует пристального внимания.

Цель статьи – изучить интерпретацию авторским сознанием А. Ширяева феномена ностальгии на материале стихотворения «Росчерк ветра. Взбегаю по клавишам – чёрным, белым...». Обозначенная цель определила следующие **задачи**: **1)** рассмотреть ностальгию как своего рода страсть; **2)** проанализировать меланхолические коннотации в тексте; **3)** выявить диалог современного поэта с различными культурными пластами.

Тема музыки в ширяевском стихотворении нерасторжимо связана с переживанием экстаза и джазовых ассоциаций, акцентируемых автором. В данном плане примечательно размышление исследовательницы самоидентификации джаза в литературе Н. Полищук, что «за относительно короткий период джаз развился в нечто большее, чем просто музыка – это определенный образ мышления, структурирования окружающего мира и метаязык...» [9, 170]. В ширяевском тексте джаз как аллегория страстности задает принципиально вольный и неожиданный ход лирическому сюжету. Джаз как побуждает возникновение ностальгии, так и противостоит сопутствующей ей меланхолии. Примечательно, что стихотворение написано А. Ширяевым в 2013 году, ставшем для поэта последним. Вышеупомянутый факт позволяет расценивать стихотворение как послание-прощание.

*Росчерк ветра. Взбегаю по клавишам – чёрным, белым,
нежным, яростным, сумасшедшим; ловлю грааль,
отпиваю от края, зажмурившись. Боль. Рояль.
Лето. Лестница. Искры за длинным прозрачным телом.*

*Эта чаша похожа на море чуть ниже Кубы,
на горячую точную ноту. Покажем класс.
Саксофон. Изогнутый воздух щекочет губы.
Ты не видишь меня, но зачем-то играешь – джаз.*

*Позабывтое чувство жизни. Ритмичный свет
заливает зрачки, срывает с бокалов пену.
...на прощанье махнув рукой, ухожу сквозь стену.
Улыбаешься вслед. Ты всегда улыбаешься вслед.*

В ширяевском стихотворении показательна непроясненность того факта, кто именно играет джаз. Меланхолический модус акцентирует характерную черту повышенной чувствительности – утрату «ощущения границ своего тела» [14, 98]. С точки зрения К. Юханисон, обостренная чувствительность мифологизирует «пучок нервов, словно бы лишенный физической оболочки, обостренно воспринимающий мир и занятый как можно более точным описанием собственных ощущений» [14, 100]. Почти физически обостренное вдохновение и упоение джазом лирическим героем становится альтернативой меланхолии. Не лишая сопричастности ностальгическому чувству, джаз одаривает блаженством и утраченной полнотой страстей. Лирический сюжет организуется вокруг раздвоения целостного «я», подразумевающего смену ипостасей авторского сознания.

В анализируемом поэтическом тексте фокусируется совмещение прошлого и настоящего, радости и печали, смена ролей потенциальных коммуникантов, объединяемых именно ностальгическим дискурсом. В ширяевской интерпретации ностальгия предстает не просто традиционно тоской, но подлинной страстью. По определению авторов словаря семиотики, «сильная страсть обыкновенно характеризуется неожиданностью. <...> Сама эта внезапность обнаружения, таким образом, становится, как и ее сила, отличительным признаком этой эмоции» [8, 160]. Ностальгия как тоска по прошлому, покинутой родине, а в подтексте и по уходящей жизни, обладает в равной степени вышеуказанной интенсивностью и спонтанностью, что позволяет ей заполнить личностное бытие лирического героя, преображая любые его эмоции и воспоминания. Трагичность призрачности существования в ширяевском лирическом сюжете противопоставлена витальности, даруемой силой ностальгии и стихией джаза.

Ностальгия в ширяевском тексте получает явно меланхолические коннотации, но при этом именно ностальгирование дает ощущение полноты бытия и наполняет призрачность существования лирического героя страстью. По определению Ж. Старобинского, очертившего меланхолический потенциал ностальгии, «ностальгия – это внутреннее потрясение, связанное с особым феноменом памяти» [10, 256]. Именно ностальгическое чувство эксплицирует «остаточные переживания субъектом своего прошлого» [10, 270]. Ширяевский диалог с прошлым оборачивается тайной лирического послания: кто именно провожает «уходящего сквозь стену» лирического героя. Так игра различных ипостасей провоцирует ряд самых разных, но неизменно взаимодополняющих аллюзий, ставя перед читателем стихотворения загадку: кто играет, а кто слушает, кто из них уходит, а кто остается.

При этом подразумевается раздваивающееся единство лирического «я»: исполнителя, вдохновителя, творца, и того, кто вопреки судьбе дерзновенно ищет наслаждения, этим преображая свое бытие и приближаясь к божественному сокровению, освобождаясь от земных пут и грехов и растворяясь в стихии джаза. С точки зрения А. Ж. Греймаса и Ж. Фонтаня, «дискурсивный или жизненный эпизод становится страстным лишь в силу особенной сенсбилизации. Таким образом, независимо от существующей в этом случае напряженности, есть и другой важный фактор – “чувствительность” (sensibilite)» [3, 29]. Фактор чувствительности актуален как для переживания страсти, так и для погружения в ностальгию. Именно чувствительность позволяет придавать лирическому сюжету как экстатический, так и меланхолический модусы в переживании бытия в мире и ностальгирования.

Интересно, что изначально в стихотворении задается тема подъема соотносимого с единением черного и белого: «*Взбегаю по клавишам – чёрным, белым*». Так возникает тема вознесения как духовного подъема, квинтэссенции наслаждения и экстатического накала страстей. По сути, все стихотворение строится на смешении контрастов: нежности – ярости, легкости – трагичности, случайности – предрешенности, символически со-

ответствуя джазовой импровизации.

Говоря о новой формации меланхолического чувства возникшего в рамках культуры Серебряного века, Марк Стейнберг, отмечает, что «мрак меланхолии носил характер и эпистемологический, и ощущался как телесно, так и духовно» [11, 216]. А. Ширяев наследует эпистемологичность меланхолии Серебряного века как фактор, организующий авторский взгляд на мир и обостренное переживание своего физического существования и духовного потенциала. Грааль, выступает в стихотворении в качестве синонима наслаждения – кайфа, что обнажает принцип единения человеческих страстей и противоречий судьбы. Джаз соотносится с мотивами познания и обретения полноты жизни, противостоя призрачности существования лирического героя и его ностальгической меланхолии. Рояль превращается в лестницу, в подтексте синонимическую лестнице Иакова, позволяющую утрачивать обыденность и привычную телесность («*Искры за длинным прозрачным телом*»). Благодаря ностальгированию, порожденному звучанием джазовой музыки, лирический герой становится подобным ветру, обретая «*Позабывтое чувство жизни*».

Полученная свобода и способность грезить преобразует боль и утраты в упоении джазом. По мысли Г. Башляра, в «упорядоченных грезах, одиночество предстает как целый мир, просторное вместилище для всего нашего прошлого» [1, 382]. И в этом потоке грезовидения, явленного в стихотворении, джаз, как и рояль не только символы познания и преобразования, дарующие способность к полету и экстазу, но и метафоры обретения нового рая взамен потерянного Эдема: «*Эта чаша похожа на море чуть ниже Кубы*».

Испитие из чаши означает и принятие данной свыше судьбы, но в контексте ширяевских кодов получает и противоположное значение: изменение сужденной доли, ее преобразования с помощью причащения музыке и волшебному напитку. А. Ширяев изначально указывает черные и белые клавиши рояля как символ человеческого и личного пути, связанного с восхождением духа. Этот аспект задает восприятие противоположностей как принципиально нерасторжимых. Амбивалентность мира и человека акцентирует одержимость разными страстями, делающими лирического героя счастливым и несчастным, подобным богам и призракам, избранным и отверженным. В тексте сплетаются темы соблазна и возвышения, колдовских чар и божественного откровения, явленного лирическому герою в музыке человеческих страстей, превращая «*горячую точную ноту*» жизни в джаз.

Личностное бытие лирического героя, наполненное в подтексте особенностями биографии самого А. Ширяева – эмиграция в Эквадор, болезнь, отношение к жизни, расширяется до проявления сущности первочеловека Адама, вернувшегося в рай, вновь вкусив с нового Древа познания.

Тема воспарения актуализирует отсылки к мифам о Фазтоне и Икаре. Так в ширяевском тексте проявляется скрытый намек на окрыленность и связанные с ним вознесение и возможность падения. Ю. Гирин замечает, что в эпоху раннего авангарда «человек чувствовал себя стоящим у основания мира <...> Танатологический код включал в себя компоненты героизма, мученичества, жертвенничества, трансцендентности, иммортализма

с такими их дериватами как икарийский комплекс ...» [4, 22]. В авторском мифе А. Ширяева также актуален икарийский комплекс и связанный с ним трагический протосюжет, но при этом для поэта идея воспарения, в данном случае связанная с ностальгированием, доминирует над меланхолическим модусом и неизбежным падением.

По наблюдению Ж. Старобинского в культурологическом универсуме «с меланхолией же все происходит так, будто она всегда была темноликой женской фигурой» [10, 592]. Такой персонификационный статус меланхолического мировосприятия способствует неожиданному развитию лирического сюжета. Приступ ностальгии, позволяющий лирическому герою переживать прошлое как сон наяву, может обернуться и встречей с Меланхолией.

Тема призрачности соотносится с топосом царства теней, куда спускается Орфей в поисках Эвридики («*Ты не видишь меня, но зачем-то играешь – джаз*»). Орфический аспект – столь излюбленный А. Ширяевым, в анализируемом стихотворении актуализирует потенциал перерождения. Близость джаза дионисийскому мироощущению с его с опьянением, восторгом и экстазом трансформирует меланхолическую окрашенность ностальгии лирического героя. Согласно утверждению Г. Варакиной, доминирование дионисийского начала актуализировало возможность переживания «божественного присутствия в себе, в результате чего и происходило очищение», затрагивая «прежде всего чувственные основы человека» [2, 177]. Джаз в свою очередь, становится оборотной стороной ностальгии как страсти, и может представлять своего рода языческим божеством, искушающим подобно змию из Эдемского сада, но и дающему искупление, обращаясь Ангелом-хранителем лирического героя. Джаз преобразует пространство теней в рай.

В тексте ширяевского послания актуализируются также коды любовного дискурса. Характерна мысль Ю. Кристивой, что «если не существует письма, которое не было бы любовным, не существует и воображения, которое явно или тайно не было бы меланхолическим» [6, 12]. Стихотворение наполнено женскими символами (*чаша, пена*) и эротическими коннотациями (*горячая точная нота*). Коммуникативная стратегия усложняется тем, что, видимо, текст обращен к воспоминанию о возлюбленной. Позицию воспоминания усиливает не только подспудная меланхолическая печаль, связанная с сожалением об утраченной любви, как впрочем, и жизни, но и переживание обновляющей лирического героя стихии джаза.

Любовный дискурс поэтического текста способствует тому, что А. Ширяев в контексте своего авторского мифа трансформирует мотивы лермонтовского стихотворения «Расстались мы; но твой портрет...». В этой связи интересна мысль Ю. Лотмана об одной из модификаций любви-разрыва в романтической лирике. «... невозможность в любви вырваться за грань непонимания создавала рядом с трагической – реальной – любовью идеальную любовь-стремление, в которой объект ни в коей мере не мог наделяться чертами самостоятельной личности: это было не другое “я”, а дополнение к моему “я” – “анти-я”» [7, 164]. Конечно же, современный поэт в буквальном смысле не наследует романтические традиции и в случае

А. Ширяева можно говорить о двух факторах, делающих важным включение лермонтовских интертекстов. Диалог с М. Лермонтовым становится для современного поэта-эмигранта возможностью реализовать свою ностальгию и утвердить особую духовную связь с родиной и русской культурой. При этом не менее актуально рассматривать лермонтовский текст как своего рода ключ к ширяевскому стихотворению, проясняющему скрытые коды автора и его исповедальный пафос. Переживаемая ностальгия позволяет превратить воспоминание в ситуацию любовного свидания, невозможного в реальности – с возлюбленной, музой, родиной, уходящей жизнью.

Женский образ, оживающий в памяти лирического героя, соотносим с мифологическими ипостасями Эвридики и Лотовой жены. Если Эвридика, потеряна из-за желания Орфея до срока взглянуть на нее, то Лотова жена сама нарушает запрет и оборачивается взглянуть на проклятый и горящий Садом, в подтексте стихотворения утраченное и невозвратное прошлое. Лирический герой А. Ширяева оказывается в конечном итоге сам источником ностальгии. Традиционные для различных мифологем поведенческие роли мужского и женского то сохраняют архетипическую память, то меняются местами: кто во плоти, а кто призрак, кто явен, а кто явлен воображением.

Заключительная фраза «*Улыбаешься вслед. Ты всегда улыбаешься вслед*», своего рода последний аккорд джазовой импровизации, задает обыгрывание пушкинско-бродского «Я Вас любил...». По замечанию А. Жолковского, в сонете И. Бродского «пародиен сам сюжет – объяснение в любви к статуе, ибо взаимодействие между живой страстностью и холодной статуарностью – один из инвариантов Пушкина» [5, 206]. В тексте А. Ширяева происходит противоположная трансформация развития лирического сюжета и А. Пушкина, и И. Бродского. В варианте современного поэта сила прошлой любви оказывается не только магической и живительной, но и делает воспоминание о возлюбленной более живым, осязаемым и полнокровным, чем бытие самого лирического героя, превращающегося, даже обретая «позабытое чувство жизни», в призрак. При таком истолковании вышеописанная двусмысленность не исчерпывается, фраза «*Ты всегда улыбаешься вслед*» может означать как неизбывность чувства, как и неизбежность разлуки, кому бы эти слова ни были адресованы: возлюбленной, ностальгии, самому себе, Богу. Улыбка «вслед» обыгрывает тему чудес, которую на разных уровнях акцентирует лирический сюжет, представляя парафраз остающейся улыбки Чеширского кота перед не избравшей дальнейшего пути и изумленной Алисой.

Подводя итоги, следует отметить, что слова «*ухожу сквозь стену*» акцентируют тему призрачности существования, причем принципиально неясно, призрачности лирического «я» или того, к кому обращено стихотворение. «Улыбка вслед» оказывается насмешкой судьбы, но может быть и добрым знаком, который как загадку сфинкса надо разгадать.

На основании полученных научных результатов можно сделать следующие выводы: **1.** Аспект меланхоличности, присущей ширяевскому лирическому посланию, связан с ностальгическим чувством лирического героя.

2. В то же время именно ностальгия актуализирует обратную сторону авторского сознания – переживание страсти в акте приобщения к дионисийской стихии джаза. 3. Лирический герой, утратив надежду, погружаясь в меланхолическое созерцание мира, в страстности своего ностальгирования неожиданно обретает благословение и свет, которым, несмотря на все испытания и страсти, озарен его мир.

Перспективы дальнейшего исследования открываются в рассмотрении своеобразия авторской интерпретации феномена ностальгии на материале более широкого корпуса лирики А. Ширяева.

Список литературы

1. Башляр Г. Избранное : Поэтика грёзы ; [пер. с фр.] / Г. Башляр. – М. : РОССПЭН, 2009. – 440 с.
2. Варакина Г. Маски Диониса, или Дионис как маска / Г. Варакина // Катарсис: метаморфозы трагического сознания / [сост. и общ. ред. В. П. Шестакова]. – СПб. : Алетейя, 2007. – С. 168–188.
3. Греймас А. Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души [пер. с фр. И. Г. Меркуловой] / А. Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. – М. : ЛКИ, 2007. – 336 с.
4. Гирин Ю. Н. Литература в системе культуры авангарда : автореферат дис. ... доктора филол. наук : 10.01.03 / Гирин Юрий Николаевич. – М., 2013. – 40 с.
5. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы / А. К. Жолковский. – М. : Наука; Восточная литература, 1994. – 428 с.
6. Кристива Ю. Черное солнце: Депрессия и меланхолия / [пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина] / Ю. Кристива. – М. : Когито-Центр, 2010. – 276 с.
7. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман // О поэтах и поэзии. – СПб. : Искусство – СПб, 2001. – С. 18–252.
8. Мартин Б. Словарь семиотики ; [пер. с англ.] / Б. Мартин, Ф. Рингхэм. – М. : Либроком, 2010. – 256 с.
9. Полищук Н. А. Самоидентификация джаза в литературе: от первых сборников до антологий и учебных программ // Вестник удмуртского университета : История и филология. – 2015. – Т. 25. – Вып. 5. – С. 170–175.
10. Старобинский Ж. Чернила меланхолии ; [пер. с франц., предисл. и общ. ред. С. Зенкина] / Ж. Старобинский. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 616 с.
11. Стейнберг М. Меланхолия нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями / М. Стейнберг // Российская империя чувств: *Подходы к культурной истории эмоций* / [под ред. Я. Плампера, Ш. Шахад и М. Эли]. – М. : НЛО, 2010. – С. 202–226.
12. Степанов Ю. Выдающийся поэт Андрей Ширяев : [предисловие к изданию] / Ю. Степанов // Ширяев А. В. Случайный ангел. – М. : Издательство Евгения Степанова, 2016. – 60 с.
13. Ширяев А. Мастер зеркал – поэзия и проза [Электронный ресурс] / А. Ширяев. – Режим доступа к ист. : <http://www.shiryaev.com/>
14. Юханнисон К. История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь; [пер. со швед. И. Матыциной] / К. Юханнисон. – М. : НЛО, 2011. – 320 с.

References

1. Bashliar, G. (2009) *Izbrannoe : Poetika grezy* [Favourites: Dream poetics], ROSSPEN, Moscow, Russia.
2. Varakina, G. (2007) "Dionysus's masks, or Dionysus as mask", *Katarsis: metamorfozy tragicheskogo soznaniia*, Aleteijja, St. Petersburg, Russia, 168–188.
3. Greimas, A. Zh. and Fontanii, Zh. (2007) *Semiotika strastei. Ot sostoianii veshchei k sostoianiiu dushi* [Semiotics of passions. From a condition of things to state of mind], Translated by Merkulova, I. G., LKI, Moscow, Russia..
4. Girin, Iu. N. (2013) "*Literature in system of culture of avant-garde*", Thesis abstract for

- Doc. Sc., 10.01.03, Girin Iurii Nikolaevich, Moscow, Russia.
5. Zholkovskii, A. K. (1994). *Bluzhdaiushchie sny i drugie raboty* [The wandering dreams and other works], Nauka; Vostochnaia literatura, Moscow, Russia.
 6. Kristiva, Iu. (2010) *Chernoe solntce: Depressiia i melankholiia* [Black sun: A depression and melancholy], Translated by Kralechkin, D. Iu., Kogito-Tcentr, Moscow, Russia.
 7. Lotman, Iu. M. (2001) *Analiz poeticheskogo teksta* [The analysis of the poetic text], *O poetakh i poezii* [About poets and poetry], Iskusstvo – SPB, St. Petersburg, Russia, pp. 18–252.
 8. Martin, B. and Ringkhem, F. (2010) *Slovar semiotiki* [Dictionary of semiotics], Librokom, Moscow, Russia
 9. Polishchuk, N. A. (2015) “Self-identification of the jazz in literature: from the first collections to anthologies and training programs”, *Vestnik udmurtskogo universiteta : Istorii i filologiya*, vol. 25, ed. 5, pp. 170–175..
 10. Starobinskij, Zh. (2016) *Chernila melanhologii* [Melancholy ink], Translated by S. Zenkin, NLO, Moscow, Russia.
 11. Steinberg, M. (2010) “Melancholy of modern times: a discourse about social emotions between two revolutions”, *Rossiiskaia imperiia chuvstv: Podkhody k kulturnoi istorii emotcii*, NLO, Moscow, Russia, pp. 202–226.
 12. Stepanov, Iu. (2016) *Vydaiushchiisia poet Andrei Shiriaev : (predislovie k izdaniiu)* [Outstanding poet Andrey Shiryayev: (the preface to the edition)], *Shiriaev A. V. Sluchainyi angel*, Izdatelstvo Evgeniia Stepanova, Moscow, Russia.
 13. Shirjaev, A. *Master zerkal – poezija i proza* [The master of mirrors – poetry and prose], available at: <http://www.shiryaev.com/>
 14. Johannisson, K. (2011) *Istorija Melanhologii. O strahе, skuke i pechali v prezhnie vremena i teper'* [Melancholy history], Translated by Matycina, I., NLO, Moscow, Russia.

Стаття надійшла до редакції 24.03.2017 р.